

После детдома, калечащего душу, Света хотела тихого семейного счастья. Но ее мир разрушили. Из руин она восстала новым человеком. Теперь она Светлый Демон, киллер, не знающий пощады.

Новый заказ приводит Свету в родной городок. При въезде она видит молодого солдата, которого преследуют, чтобы убить. Сама не понимая почему, Демон помогает ему — и переходит дорогу начальнику полиции, негласному хозяину города. Впрочем, их конфликт начался не сегодня. Он один из тех, кто создал из нее машину для убийства. Пришло время одним выстрелом отблагодарить его за всё!

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9295-6

9 786171 292956

СВЕТЛЫЙ ДЕМОН

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СВЕТЛЫЙ ДЕМОН

КСД

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**СВЕТЛЫЙ
ДЕМОН**

РОМАН

ХАРЬКОВ
2022 КСД

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

ISBN 978-617-12-9295-6

- © Бакшеев С. П., 2021
- © DepositPhotos.com / eddiephotograph, mandritoiu, cineuno, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Пролог

— Убей его. Пристрели! Задуши! Размозжи голову! Делай что хочешь, но он должен умереть!

Голос в телефоне был требовательным и веским. Так говорит человек, давно наделенный властью, привыкший отдавать приказы и не терпящий возражений.

— Я, начальник городского УВД, даю официальную санкцию на убийство. Ты умеешь это делать. Это твоя работа. Отличие лишь в том, что на этот раз мы не будем за тобой охотиться, мы тебя наградим. Ты понимаешь меня?

Я молчу. Он доходчиво объясняет:

— Если мы войдем в дом и он будет жив, ты — убийца! Если увидим его труп, ты — героиня! Подумай как следует.

Я думаю. В словах полковника полиции нет преувеличений. Я работаю в сфере специфических услуг, передаю клиентам послания от их врагов. Маленькие, но смертельные. Говоря проще, я — наемный убийца, профессиональный киллер, выполнивший немало сложных заказов. Не люблю слова «объект» и «цель» — для меня они клиенты, а я всего лишь высокооплачиваемый почтальон. Каждое задание — огромный риск: убьют на месте или схватят по горячим следам. Пока мне везло. Возможно, оттого что я не ценю свою жизнь. Не знаю, что лучше: жить так, как живу я, или умереть.

Я в растерянности. Привычный мир вывернулся наизнанку. Жертва беззащитна и полностью доверяет мне,

власть не борется за спасение человека, а требует казни. Нажав на курок, я не буду вынуждена скрываться. Впервые мне не заплатят грязные деньги, а официально поблагодарят.

И всем будет хорошо.

Всем, кроме того человека, который находится сейчас за стенкой и не слышит моих слов.

— Я согласна. Ты увидишь его мертвым.

— Вот и договорились. — Полковник доволен. Он знает, что Светлый Демон всегда держит свое слово.

В отличие от него.

1

Дорога перевалила через вершину и пошла под уклон. Предзакатное солнце, цеплявшееся пурпурным брюхом за островерхние ели, окончательно скатилось за гору и больше не бликовало в боковых зеркалах тонированного корейского внедорожника.

Я сняла затемненные очки и сунула их в специальный очечник под потолком. Вытянув шею, мельком посмотрелась в зеркало. Уставшие глаза худой сосредоточенной женщины оценивающе изучали меня. Как и все, я уверена, что выгляжу моложе своих тридцати восьми. Пусть не в данный момент — все-таки вторые сутки за рулем, — а когда выплусь. Ответьте честно: вы ведь тоже так о себе думаете? Годы идут, а в душе вечно клокочут пузырьки юности, и кажется, что время щадит вас. Вот и я такая. Одно обидно: меняется наше отражение в зеркале.

За окном мелькнул указатель «Валяпинск — 23 км». Сколько лет я не была в родном городе? Семнадцать. Да и родной ли он мне? Скорее проклятый край, в котором

я, Света Демьянова, провела безрадостное детство и жестокою юность.

Точное место своего рождения я не знаю. Как, впрочем, и своих родителей. Интернатские воспитательницы-мымыры не поощряли копания в родословной. Наверное, они были уверены, что ничего хорошего там дети не найдут. Уж лучше пусть кареглазая девчонка с русыми косичками вечно мечтает и сочиняет небылицы о своих богатых и добрых родителях, которые вот-вот примчатся на белом лимузине и заберут ее в сказочный замок, где каждый день мороженое.

«А почему они раньше этого не сделали?» — требовала объяснений моя практичная подружка Лена Баринова. «Да потому, что родители скрывают меня от врагов! Чтобы те не украли и не потребовали выкуп! Скоро папа разделается с ними и приедет за мной с кучей игрушек. Там есть такие, каких ты в жизни не видела! Я оставлю их тебе». — «Даже Барби в свадебном платье?» — «Угу, — соглашалась я после некоторого колебания. И упрямо заклинала: — Дома у меня есть еще».

Но никто за мной не приезжал. Ни на шикарном лимузине, ни на тархтящем автобусе, за остановкой которого я с надеждой наблюдала долгие годы, растапливая дыханием изморозь на окне.

Я невольно вспомнила обшарпанное здание школы-интерната для детей-сирот и отчаянные детские перепалки. Еще семнадцать лет сюда бы не возвращалась, если бы они у меня были. Но жить мне осталось меньше. От силы год или полтора. Врач-онколог, забыв о принципах псевдогуманизма, процедил этот приговор после моего тихого вопроса, сопровождавшегося убийственным немигающим взглядом. Так я смотрю на заказанных клиентов сквозь прицел оптической винтовки. Пустая точка сузившегося зрачка, как кратер бездонного ледяного вулкана перед извержением.

Онколог суетливо предложил курс химиотерапии, но я покачала головой. «Боль будет нарастать», — предупредил он. Я вспомнила дни, когда физической болью старалась накрыть душевную муку. Он не понял моей кривой усмешки.

Я до сих пор сомневаюсь: ради чего возвращаюсь в Валяпинск? Чтобы выполнить странный заказ? Увидеть знакомые места? Или чтобы в тысячный раз вспомнить тот страшный день, когда Мир Рухнул, и попытаться разобраться в нем?

На приборной панели безотказного «корейца» высветился значок бензоколонки. Я свернула к автозаправке, рядом с которой гремело музыкой придорожное кафе. Зеленая обочина, забрызганная пятнами желтых одуванчиков, напомнила мне о любимом бессловесном Пифике, а если величать полным именем — Елпидифоре. Так зовут среднеазиатскую черепашку — единственную живую душу, с которой я дружу на протяжении последних лет.

Пифик оказался у меня случайно. Мне подарили его в монастыре после разговора с матушкой Прасковьей. «Каждый должен о ком-нибудь заботиться», — сказала игуменья, протягивая коробку из-под обуви с прорезанными в крышке дырками. Я заглянула внутрь, увидела задранную мордочку с черными глазами-бусинками и поняла — это несуразное существо создано именно для меня.

Конечно, от общения с собакой или кошкой вы получаете более яркие эмоции, но мой черно-серый мир не предполагает красочных всплесков. Да и за собакой требуется ежедневный уход, а кошка больше привыкает к дому, чем к хозяину. Другое дело — черепаха. Пифик мог неделю-другую спокойно дожидаться меня в запертой квартире, одной из тех, которые я часто меняла. Или сопровождать в долгих поездках, безропотно коротая время в прозрачном пластиковом ведре. С ним можно поселить-

ся в любой гостинице и обрадовать порезанным огурчиком или кабачком. Еще он обожает листья одуванчиков и цветы клевера, и сейчас, в начале лета, мне не составляет труда баловать неуклюжего питомца природными лакомствами.

Я спустилась с дороги, отошла к опушке леса, где влияние выхлопных газов сводилось к минимуму, и сорвала несколько желтых цветков. Посмотрев на импровизированный букетик, я кисло улыбнулась. Последний раз мне дарили цветы около двадцати лет назад при выходе из роддома. С тех пор внимание мужчин к моей женской сущности ограничивалось вульгарным приставанием. Я научилась жестко пресекать непрошенных ухажеров, и лишь изредка, когда восставала плоть, сама выбирала партнера, которому доставалась одна сногшибательная ночь. Единственный постоянный самец, который последние годы делит со мной кров, сейчас сожрет эти радостные цветочки, посмотрит черными бусинками и завозит лапами по ведру, требуя свободы. А свобода ему нужна лишь для того, чтобы зарыться мордочкой в норку и заснуть часов на двенадцать, втянув лапки под защитный панцирь.

Зашуршал куст. Я резко обернулась. Изуродованное профессией подсознание мгновенно проанализировало ситуацию. Ветра нет, ветки не могут шуметь; дикий зверь не подойдет к пахучей бензоколонке; до автомобиля метров тридцать, моя спина — прекрасная мишень для затаившегося человека. Последовало молниеносное решение. Одуванчики упали к ногам, правая рука метнулась к спасительным штанам «тысяча карманов». В них всегда найдется то, чем я смогу ответить на неожиданную опасность.

— Эй! — послышалось из куста. Сквозь раздвинутые ветки высунулась испуганная физиономия в солдатской фуражке.

Прежде всего я изучила руки незнакомца. Грязные пальцы застыли на согнутых ветках и не представляли прямой угрозы.

— У вас нет чего-нибудь поесть? — промямлил солдатик.

Жалкий тон просьбы предполагал грубый отказ. Он вышел из-за куста. Я чутко контролировала ситуацию, продолжая искать скрытый подвох, но тщедушная фигура и просящий взгляд красноречиво свидетельствовали, что передо мной голодный парнишка в солдатской форме.

— Или подвезите меня. Мне надо уехать, — не дождавшись ответа, высказал новую просьбу солдат.

Он не уточнил, куда ему надо. Но это ничего не меняло. Я никогда не брала попутчиков. Порой опасность представляют самые близкие люди, не говоря уж о незнакомцах.

Солдат повел носом, невольно развернувшись в сторону кафе. Оттуда тянулся запах прогорклого мяса, способный разбудить аппетит лишь у самых нетребовательных посетителей. Но до звания «посетитель кафе» солдатiku было как до луны. Он походил на заморенного мальчишку без копейки в кармане, по недоразумению напялившего военную форму. От подобного вида сжимается сердце любой матери, но сегодня солдатiku не повезло. Трогательная беззащитность не способна разбудить жалость в моем зачерствевшем сердце. Жалость делает человека слабым, а я должна оставаться сильной, иначе мне не выжить.

Я молчала, потому как не люблю говорить без нужды. С помощью слов люди обманывают, глаза всегда честнее словоблудия. Сейчас я не видела противоречия между просьбой и тусклым взглядом солдата, и холод, с которым я встретила незнакомца, утратил часть своей силы. Моя напряженная правая рука расслабилась и покинула карман с пистолетом, а затаившиеся в глазах льдинки свидетельствовали о потере интереса к незнакомцу.

Солдатик повесил нос, убедившись, что ему ничего не светит. Ему вновь предстоит идти лесом вдоль обочины, сбивая ноги и прячась от света фар проезжающих автомобилей. Он сгорбился и отступил, чтобы исчезнуть. И тут что-то дрогнуло в моей душе.

— Постой! — Я решила дать ему маленький шанс. — Как тебя зовут?

Ему помогло бы единственное имя, довольно редкое среди его сверстников.

— Коля, — отозвался солдатик.

Мои ресницы болезненно дернулись, глаза вспыхнули удивлением. Так звали двух самых близких мне людей, которых я когда-то давно безумно любила.

— Я что-нибудь принесу, — пообещала я.

Придорожная забегаловка мало чем отличалась от подобных ей закусочных, разбросанных по необъятным российским просторам, разве что состав посетителей больше подходил для Ставрополя, чем для Свердловской области. Толстый азербайджанец колдовал под навесом у мангала, равнодушная русская девушка отпускала напитки, двое потных дальнобойщиков заглатывали пищу, косясь в окно на грязные фуры, а за центральным столом развалились три самоуверенных горца с Северного Кавказа. Я не утруждаюсь вникать в этнические отличия джигитов и называю всех мысленно «северяне».

От троицы исходила ощутимая на биологическом уровне волна угрозы. Они метнули в меня острые взгляды, которые быстро наполнились презрением. Худая уставшая женщина, облаченная в бесформенные штаны и такую же куртку, не заинтересовала горячих горцев.

— Пора, — услышала я команду старшего из тройки «северян». — Возьми в дорогу воды.

— Сколько? — уточнил самый развязный из них.

— По бутылке.

— Плохо, что сейчас не зима, — угрюмо посетовал третий, ковыряясь в зубах.

Я привыкла сканировать окружающие звуки и немного удивилась. Чтобы теплолюбивые джигиты мечтали о снеге — это по меньшей мере странно. Старший, видимо, думал так же.

— Почему? — спросил он.

— На снегу камуфляж хорошо видно и в лесу долго не посидишь.

— Никуда он не денется, все предупреждены, до утра закопаем.

— Шлепнем и закопаем, — согласился третий, угрюмое лицо которого казалось особенно мрачным.

Я не стала заказывать сомнительный шашлык, купила бутерброды в фабричных треугольных упаковках и холодный чай в пластиковых бутылках.

— Откуда-куда, красавица? — лениво спросил Развязный, подойдя к стойке.

На подобное заигрывание я даже не оборачиваюсь. Молчание — лучший способ избежать конфликта с незнакомцами. Я размышляла над услышанным: «камуфляж», «никуда не денется», «шлепнем и закопаем». Имеют ли эти слова отношение к голодному солдату в полевой камуфляжной форме, который прячется в кустах?

— Гордая, — констатировал Развязный, бесцеремонно разглядывая меня. И с врожденным презрением к женщинам уточнил: — Гордая Цапля.

Я покинула кафе, ощущая на себе его липкий лапающий взгляд. Холодная неприступность лишь подстегнула его интерес. Возможно, поэтому он поспешил выйти вслед за мной. Марка машины и номер могут дать дополнительную информацию о молчаливой хозяйке.

Солдатик дежурил около моего бежевого джипа, явно опасаясь, что я уеду, позабыв об обещании. Он смотрел

на мои руки, занятые продуктами, и беззвучно радовался, а я с тревогой понимала, что сделала себя беззащитной. Всего на минуту, пока пройду пятьдесят метров от кафе до машины.

В обычной ситуации пятьдесят метров ничего не значат, но сейчас я допустила просчет. Я же слышала странный разговор, который насторожил! Я видела троих наэлектризованных «северян», повадки которых красноречиво говорили, что это не праздные отдыхающие, а бойцы на охоте. Кажется, я знаю, кого они ищут.

— Он здесь! — крикнул Развязный, подтвердив мой вывод.

В глубине кафе загремели стулья, затопали ноги, его партнеры выскочили на дорогу. Теперь уже не важно, в чем провинился солдатик и почему за ним охотятся. Не важно, что я не успела заправить машину и не дала корм Пифику. Побоку даже то, что меня причислили к помощнице жертвы. Сейчас важно единственное — я нахожусь на линии огня. А в том, что бойцы вооружены, сомнений нет.

Голодный солдат смотрел на продукты, не замечая опасности. Я, не оборачиваясь, продолжала идти тем же шагом. У меня были секунды, чтобы подумать. Такой драгоценностью разбрасываться нельзя. Чем больше думаешь, прежде чем действовать, тем меньше потом ошибаешься.

Опыт подсказывал, что, пока я заслоняю солдата, бойцы не будут стрелять. Возможно, они вообще не захотят открывать огонь при свидетелях. Но на это надежд мало. Самоуверенность никогда не дружит с дальновидностью.

Бойцы успокоились, они уже уверовали, что легкая добыча в их руках. По большому счету, мне наплевать на судьбу солдатика, он мне никто. Только как охотники поступят со свидетельницей? Благородство — последнее, что может прийти на ум, когда смотришь на их лица.

Я уже около машины. Сзади — неторопливые шаги. Бойцы не спешат, их распирает сознание собственной силы и понимание, что победа у них в кармане. Да и как может быть иначе, если жертва напоминает беспомощную овечку, а охотники — матерых волчар. Они перекинулись парой фраз. Я не расслышала всех слов, но догадалась, что говорят обо мне. Решается моя участь. Будущее солдатака однозначно — «шлепнем и закопаем», а что уготовано мне? И хотя с некоторых пор мне наплевать на собственную судьбу, я категорически против, чтобы за меня решали другие.

Я сую продукты солдату. Тот счастлив, лепечет «спасибо», а мои руки наконец свободны. Желудок солдата сжимается, пересохший рот наполняется слюной. Он думает о предстоящей еде и не понимает, что его жизнь решится в ближайшие секунды.

Две силы, умеющие убивать, готовы вступить в противоборство.

2

Развязный, который первым вышел из кафе, продолжает держаться впереди. Его наглые глазки еще у стойки определили: девка не старая, кожа гладкая, пальчики длинные и ровные, а значит, и ноги у незнакомки стройные, идеальной формы. Жизнь среди закутанных по щиколотки женщин научила горца важной примете: чем краше пальчики девушки, тем лучше ее ноги. Если пальцы короткие и толстые, то и ноги такие же гадкие. Если сустав выделяется, то и коленка похожа на узловатый корень. А если щель между пальцами светится, то будь уверен — между бедрами кулак проскочит.

Он смотрит на женскую задницу, следит за походкой и убеждается, что не ошибся — ножки у бабы классные! Ему хочется догнать и шлепнуть женщину по ягодцам, но пока есть задача поважнее. Старший уже шепнул: «Пакуем обоих и отвозим в лес на их машине». Осечки не будет.

Даже если вооруженную компанию остановят менты, им ничего не грозит. Солдат объявлен дезертиром, Гордая Цапля — его пособница, а у них есть документы сотрудников полиции одной из северокавказских республик. Настоящие, без фуфла! И оружие у них табельное. А что на Урал занесло, так они люди подневольные — командировка. В их республику ментов со всей России пачками отправляют, а это ответный визит.

Развязный согласен с решением Старшего, брать надо обоих. Только, прежде чем закопать Гордую Цаплю, он срежет ее штаны. Во-первых, чтобы проверить народную примету: ровные пальчики должны соответствовать стройным ножкам. А во-вторых, Старший запретил баловство с девками, пока не выполнено задание, но к тому времени с солдатом будет покончено, так почему бы не порезвиться? Да и Угрюмый его поддержит.

От этих мыслей Развязный расслабился. И зря!

3

Я распахнула дверь, втокнула на заднее сиденье солдата, а сама прыгнула за руль. Пока Развязный вытаскивал пистолет из кобуры-оперативки, мой компактный корейский джип выскочил на трассу.

— Не стреляй! — пресек Старший подчиненного. — За ними!

В зеркало я заметила, как тройца побежала к черному внедорожнику БМВ, стоявшему у кафе. Мощный баварский автомобиль резко сорвался с места, устремившись в погоню за ширпотребовским «корейцем». Отрыв, который удалось обеспечить, быстро сокращался.

Погоня будет недолгой, с досадой поняла я. Что делать? Дотянуть до людного места? Но я только что покинула подобное, да и вели себя противники с уверенной наглостью хозяев, как будто были облечены атрибутами власти. К тому же я еду не на прогулку. С моим арсеналом в багажнике и «послужным списком» надеяться на помощь официальных органов — сущее безумие. Тогда что? Гнать до последнего? Но у машины бензин на нуле, раскоचेгаренный двигатель может поперхнуться в любой момент. Черт меня дернул проявить жалость к голодному солдату!

Сделав одну ошибку, не суетись — тут же наскочишь на следующую, еще более грубую. Паника — худший советчик. Эти простые правила, усвоенные мной с потом и кровью, впечатались барельефными буквами в список приобретенных навыков. На той же доске памяти выбит и такой постулат: «Когда нет выбора, делай то, что ты умеешь лучше всего».

Я увидела впереди поворот, дорога ныряла за лес. Высокие деревья скроют меня на несколько секунд. То, что надо! Свернув, ударила по тормозам в ста метрах за поворотом. Выскочила из машины, распахнула багажник и рывком извлекла любимую винтовку с откидным прикладом. Локоть уперся в капот, ладонь обхватила пупырчатое цевье, плечо почувствовало изгиб приклада, глаз стал привычно искать цель сквозь оптический прицел.

Ну, покажитесь! Я готова к встрече. Расстояние идеальное, не промахнусь!

Из-за поворота, накренившись на левый бок, вываливается перекошенное рыло БМВ. Первый выстрел в ко-

лесо под нагрузкой. Умница-пуля вырывает клочок из широкого протектора. Напичканный электроникой «баварец» пьяно елозит по шоссе, но удерживается на дороге и тормозит, развернувшись боком. Я вижу горловину бензобака. «Отлично! Тир еще не закрыт, ребятки». Следующие два выстрела по бензобаку. Один над другим. Через верхнюю дырку всасывается воздух, из нижней на колесо хлещет топливо. Преследователи, в отличие от меня, успели заправиться.

Очумелые «северяне» выскакивают из подбитой машины. Две секунды шока, и профессионализм берет свое. Противники скатываются в укрытия. Один занимает позицию на левой обочине, двое — на правой. «Бывалые ребята». Три пистолета чихают огнем, но с такого расстояния они выполняют функцию пугачей. Кажется, противники это понимают. В следующий раз огненная точка справа появляется ближе. «Да они еще и не дураки».

Из поврежденного бака вылилось достаточно топлива. Осталось проверить: это солярка или высокооктановый бензин? Я опускаюсь на колесо. Нужна пологая траектория. Выстрел. Пуля чиркает по асфальту, высекая искры. Мокрое пятно вспыхивает. «Вам не повезло — бензин!» Огненный язык дрожит от возбуждения, скользит по колесу, лоснящемуся крылу и юркает в бензобак. Противостоять такому вторжению «баварец» бессилён.

Ухает взрыв! Машина подпрыгивает с изящностью пьяного слона. Ошметки горящего металла разлетаются по обочинам. Воздух на миг уплотняется, моей щеки касается горячая волна, будто дохнуло из приоткрытой двери сауны. Мягкое тепло приятно. А вот мои противники гораздо ближе к жаркой «печке» и сейчас вряд ли испытывают наслаждение.

Однако я уверена, что они не пострадали. Степень наказания пропорциональна ужасу преступления. Это тоже

правило. Пока мне только угрожали, и я огрызнулась. Я стараюсь работать так, чтобы исключить лишние жертвы.

За этот принцип семнадцать лет назад с легкой руки местного борзописца меня и прозвали Светлым Демонем.

4

В то лето мне исполнился двадцать один год — возраст расцвета юного тела, возраст любовных грез и безудержного оптимизма, возраст, который не замечают, потому что вся жизнь впереди. Но моя жизнь закончилась. Короткое счастье завершилось годом раньше в холодной реке с быстрым течением. И наступила тьма. Во мне умерло почти все, я превратилась в сдутый шарик. Лишь телесная оболочка зачем-то топтала грешную землю.

И вот я иду по главной площади Валяпинска.

В отличие от других улиц здесь чисто и красиво. В центре — блестящая серебрянкой фигура Ленина с указующей рукой и растопыренными пальцами. За ним — старинный собор из красного кирпича с пятью лысыми голубыми луковками. Большевики еще в 20-х спилили кресты и содрали позолоту, хотели и храм взорвать, но уж очень удобно в нем было лошадей держать, пока товарищи в соседнем здании заседали. Зимой скотина не мерзла, летом не парилась. Потом обустроили гараж с ремонтной мастерской, а в 50-х собору совсем уж повезло — краеведческий музей организовали. Но вывеской поповскую сущность не прикроешь, да и вождю пролетариата негоже пялиться на пережитки прошлого. Перед его недремлющим оком — желтое четырехэтажное здание с белыми полуколоннами. Около дубовых дверей в полтора человеческих роста висят солидные таблички с гербами и золочеными буквами

на бордовом фоне. Самый крупный шрифт повествует, что здесь работает мэр города Валяпинска.

Я редко бывала на центральной площади с безупречным асфальтом. Моя школа-интернат для сирот находится за городом на разбитой дороге. С глаз долой — из сердца вон. По такому принципу власти подбирали место для интерната не только в Валяпинске, а по всей стране. Это не волюнтаризм бездушных чиновников, а взвешенное решение, продиктованное разумной целесообразностью. Что вы хотите, если по статистике сорок процентов выпускников сиротских интернатов совершают преступления, столько же становятся алкоголиками и наркоманами, а каждый десятый кончает жизнь самоубийством? Потенциальные отбросы общества принято держать подальше от полноценных детишек. Моя судьба, к сожалению, не улучшит печальной статистики.

Между интернатом и городом располагается медеплавильный комбинат, главные цеха которого построили еще в царское время. Горы черных отвалов и сизый дым из закопченных труб — единственный доступный пейзаж для воспитанников интерната. Он как бы намекает: вот ваше будущее, совсем рядом, а в город и соваться незачем.

«Работать на комбинате очень почетно!» — усердно вдалбливали преподаватели воспитанникам начиная с младших классов. Казалось, это была основная тема по всем предметам.

Нас водили в цеха на экскурсии и даже разрешали брать с собой застывшие медные брызги, огненным дождем сыпавшиеся при переливании из огромного ковша в чугунные формы. Из-за опасных тысячеградусных брызг рабочие в горячем цеху, где даже дышать было трудно, ходили в валенках, бушлатах и железных масках. Такая же участь была уготована и детдомовским мальчишкам. Девчонок распахивали по другим цехам. К моменту выпуска

документы воспитанников скопом переправлялись в отдел кадров медеплавильного комбината.

А мне повезло! В семнадцать лет меня вместе с закадычной подругой Ленкой Бариновой зачислили посудомойками в заводскую столовую. Пусть здесь платили поменьше, чем на сортировке руды, зато не надо было каждый вечер отмывать в общаге холодной водой лицо и руки от пыльной корки и отхаркивать черную дрянь, оседавшую в горле, несмотря на респиратор.

Вчера Барсук провез меня по центральной площади, объяснил, как нужно действовать. К зданию с табличками он не подъезжал. Там запрещающий знак. Я знаю правила дорожного движения. Муж Николай, работавший шофером, успел обучить меня вождению. Мы мечтали купить подержанный автомобиль и ездить с ребенком по выходным на лесное озеро...

Но это было еще до того дня, когда Мир Рухнул. В двадцать один у меня уже нет мужа, как нет и второго маленького Коли. Я совершенно одна, и у меня нет выбора. Вопреки своей воле я вынуждена топтаться на этой площади с пистолетом в пакете в ожидании важной персоны.

Середина 90-х. Идет передел собственности. Уральские комбинаты, заводы и рудники в одночасье превратились в лакомые куски для многих лихих людей. Оказывается, невзрачная продукция имеет реальную цену в твердой валюте, несравнимую с копеечными затратами на работяг.

Однако этих подробностей я еще не знаю, мое внимание сосредоточено на площади. «Увидела-сфотографировала-проанализировала», — вдалбливал в голову Кирилл Коршунов, мой лесной учитель.

Я вижу, что подходы к городской администрации охраняются милиционерами. Но это громко сказано. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: здесь собраны самые нерасторопные из людей в погонах. Их трое. Несут де-

журство постольку-поскольку и страшно завидуют коллегам, которые зашибают деньги на «хлебных» местах — около вокзала, на рынках, у автостанции.

Лишь избранные автомобили со спецпропусками могут подкатить к подъезду красивого особняка. Я жду одну из таких машин, самую видную в городе. Когда-то я ждала вымышленный белый лимузин с родителями, сегодня мне нужен реальный черный «мерседес».

А вот и он. Шурша шинами, блестящий автомобиль степенно огибает памятник Ленину.

Я ускоряю шаг, верчу задом. Ленивый сержант милиции пялится на шустрые девичьи ножки. По-моему, он пытается разглядеть фасон моих трусиков под легким платьем. Типичный кобель в форме. Одна извилина — и та от фуражки. На пластиковый пакетик в моей руке он не обращает внимания. Да и с чего волноваться? Обстановка на площади спокойная, качков в спортивных костюмах не наблюдается, митингующих старушек тоже. На это и сделан расчет.

Милиционер с сожалением отлепил взгляд от моей тугой попы, готовясь вытянуться перед мэром города. «Мерседес» останавливается у парадного подъезда. Шофер выходит и распахивает заднюю дверь. Появляется надменный мужчина в строгом костюме с дорогим портфелем. Он красив и ухожен, явно нравится сам себе, во взгляде неприкрытый апломб: «Мне можно все!» Шлейф кондиционированного воздуха доносит из распахнутого салона ауру богатства и излишества. Это господин Марчук, мэр города.

Я помню многочисленные плакаты с его физиономией и жизнеутверждающими словами: «Вы — мои избиратели, я — ваш слуга!»

«Это ж какие бабки надо отвалить такому мачо, чтобы он согласился работать слугой?» — вопрошала потрясенная Ленка.

Но выборы давно позади. Бывший комсомольский работник, поднявшийся на первой волне демократии, спешит в просторный кабинет. До спасительных дубовых дверей ему четыре шага, а до скромной девчонки десять. Я для него электорат. «Вас много, а я один», — объясняет его снисходительный взгляд. Он скользит наглыми глазками по моему дешевому платью, отмечает талию и стройные ножки. И вот уже читается: «Если тебя приодеть, а потом раздеть...»

Я знаю не понаслышке, о чем он думает. Фантазия рисует ему бесстыдную благодарность осчастливленной простушки. Он привык, чтобы его просили и благодарили. Желательно в разных позах и с фантазией. У него особый бзик — он коллекционирует победы над девственницами. Не одна детдомовская девчонка прошла через его постель.

Марчук вглядывается в меня, решая, подхожу ли я для его коллекции. Он смотрит на молодую плоть, даже не ведая, что четыре года назад нагло ограбил эту девушку. Как, впрочем, и многих других сирот. Но разве большие чиновники обязаны помнить каждое свое воровство?

Я изображаю улыбку, хотя это трудно. Жизнь разучила меня смеяться. Сквозь целлофановый пакет нащупываю рукоять пистолета. Предохранитель заранее снят, затвор взведен. С такого расстояния не промахнуться. Я поднимаю руку. Надо сделать два выстрела, как приказал Барсук.

Сначала в грудь. А потом в голову...

5

Я убираю снайперскую винтовку и плюхаюсь за руль «корейца». Внутри клоочет злость на собственную глу-

пость. В минуты смертельного риска я действую автоматически, как вышколенный солдат, а сейчас по-женски проклинаю себя за то, что вляпалась в опасную историю. В ста метрах догорают остатки БМВ. Где-то рядом затаились ошеломленные «северяне». Вот-вот они отойдут от шока и захотят поквитаться. Мечь для них равносильна чести, и мстить они будут мне.

Ох, не к добру моя жалость. И все из-за него!

— Выметайся из машины! Живо!

Солдатик молчит. Ни жив ни мертв.

— Ты что, не понял? Получил жратву — убирайся!

Он пучит глаза и выдавливая:

— Кто вы?

Дурацкий вопрос! Сейчас не время растолковывать, что чем мощнее машина, тем больше ее бензобак и тем уязвимее она для умного снайпера.

— Ты выйдешь сам, или я тебя выкину! На размышление — одна секунда!

— Я... Они меня убьют.

— А мне-то что?! Ты просил еду — ты ее получил!

Секунды тикают. Рядом обозленные враги. Пора сматываться. Я выхожу, распахиваю дверь и дергаю солдата за шиворот. Парень прижимает к груди нераспечатанные бутерброды и смотрит на меня снизу вверх. В глазах тоска и покорность. Сзади него на полу прозрачное пластиковое ведро, в нем самое милое на свете существо — черепашка Пифик. Вытянутая шея обращена к хозяйке, рот приоткрыт, а в глазах...

Черт! Лучше бы я не смотрела! Взгляды беспомощных голодных самцов так похожи между собой.

Хлопает выстрел. Я слышу свист пули.

Мои пальцы разжимаются. Солдатик прав, если я его брошу, то его прикончат. «Северяне» звереют от обиды и вымещают злость на слабых. Сколько ему лет? Еще

меньше, чем мне в тот день, когда Барсук подло кинул растерянную девчонку на растерзание патрульных.

Семнадцать лет назад на главной площади Валяпинска я выстрелила в мэра дважды. В грудь. И еще раз в грудь. Марчук не упал после первого выстрела, лишь выпучил глаза и раскрыл рот. Непристойная фантазия мачо захлебнулась недоумением. И я не смогла выстрелить в лицо, удивленно смотревшее на меня.

Тем самым я нарушила правило.

Первая ошибка повлекла следующую. Барсук приказал сразу после выстрелов бросить пистолет и бежать. И я побежала, двинув коленом в пах тупому сержанту милиции. Он трансформировался из истукана в скорчившегося эмбриона. А каменный истукан на постаменте остался в прежней позе и указывал рукой на место преступления, как бы восклицая: «Вот до чего докатились, отринув мои идеалы!»

Я устремилась не в тихий переулок, куда велел Барсук, а на людную улицу. Уже за углом я заметила, как от меня шарахаются прохожие. Потные пальцы продолжали сжимать пистолет, на этот раз черный ствол грозно торчал из разлетевшегося в клочья пакета. Количество свидетелей множилось. Я поняла оплошность и свернула на соседнюю улочку.

А вот и спасение! Рыжая «копейка» торчала на том же месте, где меня высадил Барсук. Я запрыгнула внутрь и выдохнула:

— Гони!

Но за рулем никого не было!

Сердце беспомощно колотилось. Меня бросили! Барсук испугался!

Однако вскоре я поняла, что действительность гораздо хуже.

Ключи торчали в замке зажигания, я перелезла на водительское сиденье. Любимый муж успел научить меня азам вождения.

Поворот ключа, долгое вжиканье под капотом — и ничего! Еще одна попытка. Бесконечное зудение стартера — и вновь двигатель не заводится!

А спереди на улочку вырывается милицейский автомобиль и перегораживает дорогу. В машине двое. Один что-то говорит в мегафон и предлагает сдаться. А второй выходит и сразу начинает стрелять. Лобовое стекло передней — вдребезги! Мент в штатском смело идет навстречу и продолжает палить.

И тут я узнаю его. Это Барсук!

Секундный шок — и ясное понимание.

Он оказался ментом и все подстроил! После выполнения задания он хочет убить меня!

Накануне Барсук подробно рассказал мне, что и как делать, а сегодня привез на место и должен был ждать в «копейке». А сам пересел в дежурную машину милиции! Он подстерегал меня в намеченном переулочке и шлепнул бы там, если бы я туда сунулась. Он неспроста спрашивал, умею ли я водить машину. Его порадовал ответ. Барсук предусмотрел и запасной вариант — вдруг я смогу прорваться к машине. «Копейка» не заводится по его вине! Сейчас я умру за рулем, и легко будет доказать, что я сама приехала сюда. А убийство мэра — всего лишь личная месть обманутой сумасшедшей сироты.

Он все продумал, но не учел главного. Я отлично стреляю. Три недели подготовки под руководством Кирилла Коршунова не прошли даром, у меня открылся талант снайпера. Барсук не раз талдычил мне, чтобы я бросила ствол на месте акции. Это азбука, так делают профессионалы, заявлял он. Но я не профессионал, а перепуганная девчонка, потерявшая на время голову. Он смело

прет на меня, потому что уверен — жертва безоружна. Я нужна ему только мертвой!

Как бы не так! Если я захочу стать жертвой, то свою судьбу решу сама.

Я вскидываю пистолет и, практически не целясь, нажимаю на курок. Барсук дергается, оружие выпадает из его простреленной руки. Самоуверенное секунду назад лицо превращается в одно сплошное изумление. А затем искажается от страха.

Однако Барсук не сдаётся. Он тянется здоровой рукой за пистолетом, но я уже полностью владею ситуацией. Следующая пуля разбивает косточки в его растопыренной ладони. Он падает на колени.

— Убей гадину! Шмаляй! — ревет раненый опер, дважды за час ставший предателем. Сначала он предал служебный долг, затем беспомощную девчонку.

Но обстановка изменилась. Я знаю, что делать.

Я вижу перед собой машину, на которой можно уехать, и смело иду к ней. Предатель Барсук корчится от боли, пытается отползти, но понимает, что обречен. Наши взгляды встречаются, презрение наталкивается на страх, секунда кристаллизуется в вечность. Я плюю в него и прохожу мимо. Мокрый от пота Барсук валится на дорогу.

Ствол моего пистолета направлен на дрожащего милиционера в машине. Тот наконец выдернул табельное оружие и пробует прицелиться. Его руки дрожат, мои — нет. Звучат сразу два выстрела. Одна пуля крошит кирпич в стене дома за моей спиной, другая рвет его руку и застревает в локте.

Я спихиваю раненого с водительского сиденья и сажусь за руль. Пистолет на коленях, сосульки слипшихся волос задевают ресницы. Подстраиваю зеркало. И вижу под юным обличьем повзрослевшую на двадцать лет женщину. Я веду захваченный автомобиль и молчу. Я еще не по-

нимаю, в кого превратилась. Милиционер скулит, перекосившись от боли, и ждет неминуемой смерти.

Выехав из города, я останавливаюсь и командую:
— Вылезай!

Он просит пощады и говорит много слов. Я ничего не хочу слышать и выталкиваю его на обочину. Двигатель работает, дверь остается открытой, на моих коленях пистолет. Жалкий парень зажмурился и ждет выстрела. Но вместо пули из салона вылетает аптечка.

— Наложите жгут, — советует вооруженная девчонка, умеющая точно стрелять.

Эти слова он потом не устанет повторять следователю и журналистам.

По горячим следам меня не поймали, но личность установили быстро. Светлана Демьянова.

Возможно, из-за имени, а может, из-за того что, расправившись с алчным чиновником, от которого многие пострадали, я пощадила простых оперативников, кто-то из впечатлительных журналистов назвал меня Светлым Демонем. Кличка прижилась, вышла за пределы области и стала фигурировать в сводках федерального розыска.

6

Серость часто побеждает яркость, особенно в российской глубинке. Даже солнце, как ни тужится, сердешное, но пасмурных дней на просторах от Охотского моря до Балтийского гораздо больше, чем ясных. Серенький корейский джип едет дальше, а от породистого блистательного «баварца» остается тлеющий скелет и зловоние жженой резины.

Солдатик жадно ест бутерброды. Крошки сваливаются с его губ, попадают в ведро к Пифику, но черепаха их

игнорирует. Животное ждет зелень. Пифику терпения не занимать, он может ждать так целую неделю. Этим он похож на свою хозяйку.

Ведь что самое главное в профессии киллера? Не тренированное тело и умение драться. Не владение оружием и быстрая реакция. Даже не конспирация и искусство замечать следы. Самое главное в этой скверной профессии — умение ждать и не расслабляться.

Однажды я шесть часов провела в застывшей позе ради секундного шанса. Дернулась занавеска в окне, мелькнул горбоносый профиль — я плавно спустила курок. Шесть часов — и один выстрел. Это рутина профессии.

Были в моей практике ожидания и похлеще. Три недели подряд, каждый день по несколько часов, я караулила в одном и том же месте очень предусмотрительного господина. Совершив массу гнусных дел, он прекрасно знал — будут мстить. Он окружил себя лучшими телохранителями. Бронированный автомобиль с джипами сопровождения, разные пути следования, у дома и офиса грамотно перекрытые траектории обстрела, никаких посещений клубов и ресторанов, никаких прогулок. В общем, не подступиться. За полгода спалились три бригады киллеров, устроивших взрывы и пальбу из гранатометов. Лишились жизни невинные люди, а богатый умный мерзавец всякий раз оказывался невредим.

И тогда заказ достался мне. На кону стояли не столько большие деньги, сколько моя репутация. В определенных кругах знали, что если Светлый Демон берет заказ, то выполняет его всегда, работает чисто и исчезает бесследно.

Я проанализировала ситуацию и поняла: единственный шанс — надеяться на случай. Как ни странно звучит, но это тоже стратегия. Я узнала, что в конце восьмидесятых мой клиент поднялся на торговле цветами, считал себя знатоком нежных растений и любил сам выбирать букеты.

ты. Как часто он покупал цветы, было неизвестно, но я догадывалась, что по просьбе охраны он делал это спонтанно в разных местах.

«Безопасных» точек на его маршрутах было несколько. Я выбрала самую трудную для атаки и каждый вечер дежурила на крыше пятиэтажки напротив одного и того же цветочного павильона. До возможной цели двести метров, листва деревьев, широкая трасса, сумерки, а порой и пелена дождя. Кортёж клиента несколько раз пронёсился мимо, но я вновь и вновь возвращалась в засаду. И расчёт оправдался. Трехнедельное упорство подарило мне полторы секунды прямой видимости между прицелом винтовки и головой клиента...

Я взглянула в зеркало заднего вида и хмыкнула. Непосредственность растапливает любую обиду. Такого восторга от приема пищи вы не увидите ни в одном ресторане высокой кухни. Я почувствовала себя хозяйкой, сумевшей угодить взыскательному гостю.

— Запивай, а то подавишься, — посоветовала я голодному солдату.

— Угу.

— Ты кто?

— Коля, — глотнув холодного чая из бутылки, ответил солдатик.

— Это я уже слышала. Ты сбежал из части? С оружием? Коля испуганно замотал головой.

— Почему же тебя ищут кавказцы? Они ребята непростые, это бойцы.

— Я хотел... подработать.

— У них?

— Нет.

Я свернула к АЗС. Стрелка уровня топлива застыла на нуле. Не хватало еще заглохнуть посреди трассы. Я нагнула на лоб бейсболку, вставила заправочный пистолет

в горловину бензобака и пошла платить. Сквозь маленькое толстое стекло кассы проглядывало сморщенное мужское лицо с шустрыми глазками.

— Издалека? — спросил кассир, принимая деньги.

Я обернулась. Под освещенным козырьком хорошо читался передний номер моего автомобиля с кодом Московской области. «А номера придется сменить, — с досадой подумала я. — Засветилась раньше времени».

— Издалека, — пришлось подтвердить очевидное и, раз уж возник разговор, решила навести справки: — Заметила неподалеку голосующего солдата. Это не подстава? У вас на дорогах не шалят?

— Солдата? Так его второй день ищут!

— А что случилось?

Как всякий любопытный человек, кассир оказался словоохотливым.

— Из охранения бежал, с автоматом. Неуравновешенный психопат, убить может любого! Нас предупредили: в разговоры с ним не вступать и сразу сообщать куда надо.

— Автомата я у него не видела.

— Под одеждой спрятал. Вы же мимо проехали? — Кассир сверлил меня придирчивым взглядом, норовя заглянуть под козырек.

— Ну да.

— А вот если бы остановились, не видать вам своей машины.

— Да уж, повезло. А откуда он сбежал?

— У нас тут фармзавод был. Небольшой. Антибиотики выпускал, еще в советское время. Потом завод закрыли. Он долго никому не нужный стоял, а в этом году сносить стали. Торговый центр будут строить. Так там с месяц назад военную охрану выставили. Вот оттуда солдат и дал деру.

— Стройку автоматчики охраняют. Зачем?

— Там вроде опасную химию обнаружили. А вообще-то, охрана нигде не помешает. У нас народец шустрый. Если где-то что-то плохо лежит — ух! В прошлом году мне провода срезали. Тут, за стеной, и под напряжением. Два дня заправка не работала.

— Поймали воров?

— Во второй раз — да. Я ведь из военных. — Кассир гордо выпятил грудь.

Я догадалась, что он презирает свою работу и смотрит на окружающий мир, как через амбразуру танка, выгадывая момент, когда понадобятся его прежние навыки. Я вспомнила о «северянах». Какое им дело до дезертира?

— Выходит, солдата военные ищут, — раздула я огонек беседы.

— Ко мне из полиции приезжали. Телефончик оставили. Вот. — Кассир придвинул листок. — Самому Барсукову звонить надо.

— Кому? — Я невольно напряглась. — Вы сказали — Барсукову?

— Да, Геннадия Андреевичу Барсукову. Начальнику городской полиции.

Барсук! Неужели тот самый? Тогда он был оперативником в звании старшего лейтенанта, а вел себя, как заправский бандит.

Спустя несколько лет опытный оперативник старой закалки доходчиво объяснил мне, что настоящий опер всегда ходит по лезвию бритвы. С одной стороны — Закон, с другой — Беззаконие. Свалишься в строгий Закон — уходи в следаки или адвокаты. Рухнешь в Беззаконие — дорога тебе в преступники. Барсук еще тогда свалился в Беззаконие, но расставаться с погонями не спешил. Новые времена не требовали от ментов искусства канатоходца, а позволяли прыгать с одной стороны на другую, всюду извлекая выгоду.

Барсук лично разъяснил мне, в кого и где надо стрелять. Он привез меня к зданию мэрии, а потом хотел тут же прикончить и получить повышение по службе. Одно-разовый киллер — вот как называется уготовленная мне в тот день участь.

Он или нет? Имя и отчество мне ни о чем не говорили. Семнадцать лет назад я знала его только по кличке, которая ему явно подходила. Мелкий хищник с острыми зубками.

Барсук!

7

В юности, как и большинству девчонок, мне нравились мужчины с хорошей фигурой и военной выправкой. Я была высокой и стройной девушкой и, конечно, представляла рядом с собой широкоплечего парня с узкими бедрами, сильными руками и уверенным взглядом. Подлец Барсук был именно таким!

Ох, девочки, не клюйте на фасад, смотрите глубже — в глаза, в душу, а главное — в голову избранника проникните! Там и характер, и ум, и мысли сокровенные.

Барсук встретился мне позже, в двадцать один, когда моя жизнь уже рухнула с обрыва и ничего не стоила.

А в шестнадцать лет я впервые увидела Николая.

Его провожали в армию. Размалеванная губастая деваха с толстой задницей под короткой юбкой висела у него на шее и бесстыже слюнявила подбородок.

— Ирка, ты меня дождешься? — спрашивал парень.

Пьяная больше призывника девица клялась в вечной любви, терлась бедрами и пускала слезу. Она держалась за крепкую фигуру, потому что стоять сама не могла.

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій

Світлий Демон

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *А. В. Альошичева*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 02.11.2021.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 15,12.
Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, Україна, м. Харків, вул. Саратовська, 51,
тел.: +38 (057) 717 53 55

FactorDruk
PRINTING HOUSE

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей

Светлый Демон

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *А. В. Алёшичева*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 02.11.2021.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга».
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, Украина, г. Харьков, ул. Саратовская, 51,
тел.: +38 (057) 717 53 55

 FactorDruk
PRINTING HOUSE

УКРАИНА

- по телефону справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Після дитбудинку, що калічив душу, Света хотіла тихого сімейного щастя. Та її світ зруйнували. З руїн вона повстала новою людиною. Тепер вона Світлий Демон, кілер, який не знає пощади.

Нове замовлення приводить Свету до рідного містечка. При в'їзді вона бачить молодого солдата, якого переслідують, щоб убити. Сама не розуміючи чому, Демон допомагає йому — і переходить дорогу начальникові поліції, негласному хазяїнові міста. Втім, їхній конфлікт почався не сьогодні. Він один з тих, хто створив з неї машину для вбивства. Прийшов час одним пострілом віддячити йому за все!

Бакшеев С.

Б19 Светлый Демон : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 288 с.

ISBN 978-617-12-9295-6

После детдома, калечащего душу, Света хотела тихого семейного счастья. Но ее мир разрушили. Из руин она восстала новым человеком. Теперь она Светлый Демон, киллер, не знающий пощады.

Новый заказ приводит Свету в родной городок. При въезде она видит молодого солдата, которого преследуют, чтобы убить. Сама не понимая почему, Демон помогает ему — и переходит дорогу начальнику полиции, негласному хозяину города. Впрочем, их конфликт начался не сегодня. Он один из тех, кто создал из нее машину для убийства. Пришло время одним выстрелом отблагодарить его за всё!

УДК 821.161.1